

УДК 347.211

ББК 67.404

МЕСТО КРИПТОВАЛЮТЫ В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

*Н. А. Пронина, А. В. Буянов**Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)*

В условиях цифровизации закономерно все большую актуальность приобретают вопросы определения правового регулирования отношений, связанных с использованием криптовалют. Квалификация криптовалюты в качестве объекта гражданских прав является одним из важнейших аспектов правового режима криптовалюты. Необходимость качественной разработки и оформления правового режима криптовалюты, встраивания этого явления в правовую систему Российской Федерации требуют детальной проработки вопросов определения места криптовалюты в системе объектов гражданских прав, придания ей юридических признаков имущества или имущественных прав, или же, напротив, постулирования и закрепления ее принципиальной самобытности и индивидуальности. Анализ новейших правовых инициатив позволяет сделать вывод о непоследовательности и неоднозначности правового регулирования. Между тем суды уже неоднократно сталкивались с рассмотрением и разрешением вопросов оборота криптовалют, в частности, в договорных спорах и спорах о банкротстве, что предопределило определенный подход судейского сообщества к понятию криптовалюты и, следовательно, квалификацию ее в качестве самостоятельного объекта гражданских прав.

Ключевые слова: криптовалюта, объекты гражданских прав, иное имущество, имущественные права, цифровые права.

PLACE OF CRYPTOCURRENCY IN THE SYSTEM OF CIVIL RIGHTS

*N. A. Pronina, A. V. Buyanov**Altai State University (Barnaul, Russia)*

In the context of digitalization, the issues of determining the legal regulation of matters related to the use of cryptocurrencies are naturally becoming increasingly relevant. The qualification of cryptocurrency as an object of civil rights is one of the most important aspects of the legal regime of cryptocurrency. The need for high-quality development and registration of the legal regime of cryptocurrency, incorporation of this phenomenon into the legal system of the Russian Federation requires a detailed study of the issues of determining the place of cryptocurrency in the system of civil rights, attributing legal signs of property or property rights to it, or, conversely, postulating and consolidating its fundamental identity and individuality. Analysis of the latest legal initiatives leads us to conclude that the legal regulation is inconsistent and ambiguous. Meanwhile, the courts repeatedly faced the proceedings and resolutions of issues of cryptocurrency circulation, in particular in contractual disputes and bankruptcy disputes, which predetermined a certain judicial community approach to the concept of cryptocurrency and its qualifications as an independent object of civil rights.

Keywords: cryptocurrency, civil rights objects, other property, property rights, digital rights.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)2.8](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.8)

По справедливому замечанию В. А. Белова, «проблема объекта гражданского правоотношения — это крепость, осаждаемая учеными вот уже более двух столетий, но остающаяся неприступной. Римлянам покорился единственный ее форпост — сторожевая башня под названием «вещи»... Принято считать, что проблема объекта гражданского правоотношения сводится

к установлению понятия об объекте гражданского правоотношения и его адекватному приложению к окружающей действительности...» [1, с. 6–7].

Статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) закрепляет перечень объектов гражданских прав, по поводу которых возникают правоотношения. Согласимся с А. И. Савельевым, что главной целью закрепления объектов является возможность распространить на них определенный правовой режим, возможность или невозможность совершения с ними определенных юридически значимых действий [2, с. 138], иными словами — возможность сделать их объектами гражданского оборота.

В этой связи основной тезис, раскрываемый в настоящей работе, предполагает, что криптовалюта, как и любой другой объект виртуальной реальности, способна считаться объектом гражданского правоотношения, нужно только определить ту совокупность признаков, которая придаст этому субстрату юридическое значение.

Итак, вернемся к теоретическим представлениям об объекте гражданского правоотношения. Заслуживает внимания первый в отечественной литературе опыт выявления взаимосвязи категории объекта субъективного гражданского права и объекта гражданского оборота: «Не все вещи, не все физические тела подлежат господству лица, составляют объект права, а только такие вещи, такие тела, которые состоят в гражданском обороте и имеют значение имущества, т. е. представляют собой какую-либо ценность...» [3, с. 159].

Некоторые авторы, в том числе М. М. Агарков, считали, что объектом права выступает то, на что направлено поведение обязанного лица, а в обязательствах вещи «могут служить для характеристики и определения содержания соответствующих прав требований и обязанностей» [4, с. 29].

Как указывал О. С. Иоффе, «объектом правоотношения является то, на что направлено гражданское субъективное право и гражданско-правовая обязанность как элементы гражданского правоотношения, образующие его непосредственное содержание» [5, с. 352]. То есть объект правоотношения — он же объект гражданского права, ибо то, что является объектом субъективного гражданского права, одновременно — и объект юридической обязанности, а это две медали одного целого, именуемого содержанием правоотношения. Причем объект правоотношения — это нечто, не являющееся содержанием, и, конечно, не субъект правоотношения.

В. А. Белов предлагает вспомнить о том, что характеризуя гражданское правоотношение, мы всегда имеем дело с правоотношением, с одной стороны, и с фактическим отношением, — с другой. Эти «отношения» принадлежат к различным мирам — миру реальных вещей и действий (миру чувств и ощущений), с одной стороны, и миру отвлеченных идей и представлений (миру рассудка и разума) — с другой [1, с. 47]. И далее, «вещь может быть объектом физического воздействия, ... но не субъективного права и не правоотношения. Вместе с тем, невозможно игнорировать тот факт, что содержание всех без исключения прав и обязанностей в полной мере предопределяется свойствами предметов внешнего мира... так, содержание вещных прав всецело предопределяется свойствами вещей — субстратов, являющихся объектами фактического господства управомоченных лиц...» [1, с. 59]. В результате автор приходит к выводу, что объект гражданского правоотношения — это любая субстанция, имеющая определенное юридическое значение (совокупность определенных признаков, придающих то или иное юридическое значение), не совпадающая с его субъектами и содержанием и не входящая в число оснований его динамики (юридических фактов).

Бесспорно, статья 128 ГК РФ адекватно воспринимает эту идею и допускает существование объектов, непоименованных указанной статьей, обозначая эту позицию через категорию «иное имущество».

Думается, законодатель не преследовал цель выделить ограниченный круг объектов, создавая дихотомию имущества, а хотел предоставить «иному имуществу» правовой режим для обеспечения функционирования его в обороте. Как указывает А. Н. Лысенко, такой подход не всегда оправдан, так как он предлагает регулирование нового объекта, через существующие режимы, а возможно, что новому объекту необходим самостоятельный правовой режим, нежели существующие [6, с. 43]. Иными словами, продолжая мысль В. А. Белова, в правовом поле может возникнуть такой объект, свойства которого не являются типовыми для существующих гражданских правоотношений, и, соответственно, они повлекут за собой совершенно иные по содержанию гражданские правоотношения.

В продолжение высказанной позиции А. Н. Лысенко, В. А. Перов указывает на необходимость придания самостоятельного правового режима криптовалюте, в обоснование указывая, что отсутствие

нормативного регулирования само по себе нарушает права и законные интересы граждан в сфере гражданского оборота, а также ущемляет право на судебную защиту [7, с. 59]. «В настоящее время законодателю необходимо признать, что криптовалюта — это уже не призрачная перспектива, а объективное экономическое и правовое явление, требующее создания оптимальных правовых условий для своего развития» [8, с. 195].

Думается, рассмотрение попыток законодателя дать правовое закрепление криптовалюте следует начать с проекта Федерального закона «О цифровых финансовых активах», представленного Министерством финансов, одобренного в первом чтении 22 мая 2018 г. [9]. Первоначально закон пытается дать определение цифровому финансовому активу, говоря, что это «имущество в электронной форме, созданное с использованием криптографических средств. Право собственности на данное имущество удостоверяется путем внесения цифровых записей в реестр цифровых транзакций. К цифровым финансовым активам относятся криптовалюта, токен. Цифровые финансовые активы не являются законным средством платежа на территории Российской Федерации» [9].

Согласно пп. 12 ч. 1 ст. 2 указанного закона под криптовалютой предполагается понимать «вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций» [9].

Поскольку криптовалюта является видом цифрового финансового актива, она является имуществом в электронной форме. По смыслу ст. 128 ГК РФ, это «иное имущество». Электронная форма говорит о существовании таких активов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Криптовалюта, по мнению разработчиков проекта, может находиться у лица в собственности. Безусловно, говорить о классическом понимании права собственности, как вещного права, здесь не приходится. Как было указано выше, содержание права собственности «всецело предопределяется свойствами вещей — субстратов, являющихся объектами фактического господства управомоченных лиц и не имеющих такого значения в отношении активности лиц обязанных» [1, с. 59]. Криптовалюта вещью не является, соответственно, стать объектом права собственности как субъективного права она не может. Возможно, следует рассматривать такие отношения как «экономические отношения присвоения» [10, с. 289], не относящиеся к вещному праву собственности. Правопорядок хочет уравнивать всех субъектов экономического оборота, предоставив им одинаковый, наиболее полный по отношению к другим, набор прав для создания полноценного объекта гражданского оборота.

Следующим признаком криптовалюты является то, что она создается и учитывается в распределенном реестре цифровых транзакций, который представляет собой «систематизированную базу цифровых транзакций, которые хранятся, одновременно создаются и обновляются на всех носителях у всех участников реестра на основе заданных алгоритмов, обеспечивающих ее тождественность у всех пользователей реестра». В данном случае речь идет о технологии блокчейн.

Транзакции, вносимые в систему блокчейн, хранятся в этой системе. При желании мы можем увидеть первый блок с первой транзакцией — это блок 0 с транзакцией, совершенной 2009-01-03 18:15:05 на сумму в 50 BTC. Создание предполагает собой внесение данных в эту систему, так как помимо внесенных данных существует банк данных с множеством невнесенных транзакций. Транзакция, внесенная в блокчейн, отсылает к предыдущей транзакции.

Главным признаком реестра является то, что все эти процессы совершаются одновременно на всех носителях. Это характеризует «распределенный реестр» и делает его публичным. Иными словами, у всех пользователей такой системы блокчейн есть данные обо всех совершенных транзакциях. Соответственно, каждый участник системы проверяет действительность совершенной транзакции. В итоге, получается, что каждый участник системы контролирует другого участника и не допускает внесение недостоверной информации. В этом есть главный принцип децентрализации системы и ее защиты.

Подводя промежуточный итог, подчеркнем, что в указанном выше проекте Федерального закона «О цифровых финансовых активах» под криптовалютой понимается вид цифрового финансового актива, имущество, право собственности на которое подтверждается в случае, если соответствующая запись о таком активе внесена в распределенный реестр цифровых финансовых транзакций. Последний, в свою очередь, должен отвечать признакам публичного реестра.

Относительно недавно вступили в силу изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации, касающиеся регулирования цифровых прав. Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [11] в ст. 128 ГК РФ включены в число объектов цифровые права, а новая ст. 141.1 ГК РФ раскрывает понятие цифрового права. На первый взгляд может показаться, что таким образом законодатель нормативно закрепил криптовалюту среди объектов гражданских прав. Но это только на первый взгляд.

По нашему мнению, ст. 141.1 ГК РФ в значительной степени ограничила само понимание цифрового актива, отождествив его с токенами. В статье 141.1 указано, что «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам...». При этом норма отсылает нас к ст. 8 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в которой под цифровыми правами понимается: «1) право требовать передачи вещи (вещей); 2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг». Полагаем, данное определение охватывает содержание такого объекта, как токен, но никак не может распространяться на понятие криптовалюты. Зарубежные авторы аналогичным образом стремятся отграничить понятие криптовалюты от различного рода обязательственных прав требования как к лицам, выпускающим криптовалюту, так и к третьим лицам [12, с. 444].

Понятие токена можно обнаружить в рассмотренном выше проекте Федерального закона «О цифровых финансовых активах», где указано, что это «вид цифрового финансового актива, который выпускается юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем (далее — эмитент) с целью привлечения финансирования и учитывается в реестре цифровых транзакций». Соответственно, токен есть некоторый актив, выпущенный эмитентом в цифровой среде для привлечения инвестиций, заключающий в себе определенное право требования к эмитенту.

Получается, что к имущественным цифровым правам законодатель отнес токены, являющиеся объектами обязательственных прав, но не включил криптовалюту, как объект имущественного субъективного права. Очевидно, можно сделать вывод, что мы говорим о разных объектах гражданского права: токены — это цифровые, имущественные права, а криптовалюта — это иное имущество, не относящееся ни к одной из указанных групп объектов.

В качестве подтверждения того, что криптовалюта, несмотря на имеющиеся законодательные недоработки, все же признается объектом гражданских правоотношений, приведем Решение Арбитражного суда города Москвы от 22.11.2016, в соответствии с которым Смиреников Александр Леонидович (далее — должник) признан несостоятельным (банкротом), в отношении него введена процедура реализации имущества гражданина. Финансовым управляющим к должнику было предъявлено требование о передаче данных доступа лица к биткоин-кошельку, однако должник добровольно требование не удовлетворил, в связи с чем управляющий обратился в суд. Как было установлено, Должник совершил сделку, в результате которой получил денежные средства, однако в конкурсную массу они не поступали, а на требование управляющего Должник указал, что на все деньги приобрел криптовалюту (биткоин) и сообщил о наличии биткоин-кошелька. Суды, удовлетворяя заявление, делали ссылку на п. 9 ст. 213 Закона о банкротстве, по которому гражданин должен предоставлять любые сведения о составе своего имущества. Таким образом, суды рассматривали криптовалюту как имущество с позиции ст. 128 ГК РФ (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.08.2019 № Ф05–8713/2017 по делу № А40–12639/2016) [13].

Еще в одном деле финансовый управляющий обратился в арбитражный суд с ходатайством о разрешении разногласий между финансовым управляющим и гражданином, которые заключались в вопросе включения содержимого крипто-кошелька в конкурсную массу. Определением суда финансовому управляющему было отказано в удовлетворении требования. В обоснование суд первой инстанции указывал, что «криптовалюта не относится к объектам гражданских прав, находится вне правового поля на территории Российской Федерации, исполнение сделок с криптовалютой, ее транзакции

не обеспечиваются принудительной силой государства». Не согласившись, управляющий обратился с требованием об отмене определения. Удовлетворяя жалобу, суд исходил из следующего: «Доводы суда о невозможности применения к криптовалютам по аналогии норм, регулирующих сходные отношения, противоречат положениям ст. 6 ГК РФ, согласно которым при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости» [14]. По мнению суда апелляционной инстанции, криптовалюта не может быть расценена, применительно к ст. 128 ГК РФ, иначе как иное имущество.

При этом суд учитывал находящийся в стадии рассмотрения законопроект «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», который, как было указано выше, предусматривает определение понятия «цифровое право» через категорию имущественных прав, а не иного имущества (п. 1 ст. 128 ГК РФ).

Подводя итоги, необходимо отметить, что в результате соотнесения криптовалюты с предложенным пониманием объекта гражданских прав, можно прийти к выводу, что она закономерно относится к данной категории. Несмотря на попытку интеграции криптовалюты в систему объектов, стоит признать обоснованным вывод В.А. Перова, что она является самостоятельным явлением, требующим должного законодательного урегулирования, потому считаем, что одним из возможных решений проблемы будет принятие названного выше законопроекта, а также внесение правок в имеющиеся нормативные акты соответствующих отраслей права.

Библиографический список

1. Белов В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота : сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2007.
2. Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8.
3. Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. М., 2003.
4. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940.
5. Иоффе О. С. Обязательственное право. М., 1975.
6. Лысенко А. Н. Имущество в гражданском праве России. М., 2010.
7. Перов В. А. Об особенностях правового регулирования правоотношений в сфере оборота криптовалют на территории Российской Федерации // Российская юстиция. 2018. № 3.
8. Сидоренко Э. Л. Криптовалюта как новый юридический феномен // Общество и право. 2016. № 3 (57).
9. Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=172447#0057638832408827945> (дата обращения: 17.02.2020).
10. Российское гражданское право : учебник : в 2 томах. Том I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2011.
11. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/ (дата обращения: 17.02.2020).
12. Daniel Haerberli, Stefan Oesterhelt & Urs Meier. Homburger. Switzerland. В книге: Blockchain & Cryptocurrency Regulation. First Edition. Zurich, Switzerland: Contributing Editor Josias Dewey, 2019. URL: https://media.homburger.ch/karmarun/image/upload/homburger/H1TL5_1tm-GLI-BLCH1_CH.pdf (дата обращения: 17.02.2020).
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.08.2019 № Ф05-8713/2017 по делу № А40-12639/2016 [сайт] [2020] URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/A40-12639-2016_20190815_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 17.02.2020).
14. Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного Суда № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 [сайт] [2020]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/A40-124668-2017_20180515_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 17.02.2020).